

ФОЛЬКЛОР

И.Г. Матюшина

БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОКОЛЬНИКЕ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

БИТВЕ ГЕРОЯ с чужеземным богатырем, угрожающим захватить Киев, посвящено более 70 вариантов былин об Илье Муромце. Обычно в них рассказывается о битве отца со своим неузнанным сыном (в единственном случае – с дочерью¹), значительно реже встречаются былины, в которых мотив встречи с сыном отсутствует².

Изучение структуры былинных вариантов позволяет выделить два основных типа³.

Первый тип, о котором преимущественно пойдет речь в предлагаемой статье, преобладает в северо-восточных былинах (мезенских, беломорских, печорских) и имеет следующие характерные черты:

а) Описание богатырской заставы, охраняющей Киев.

б) Эпизод выбора богатыря – рассказ о выезде Ильи Муромца предваряется изображением отвода одних богатырей и безрезультатного выезда других, причем дается характеристика этих богатырей, обычно по личным качествам (“роду сонливого”, “роду торопливого”, “енеральского роду, нежного” и проч.). Более подробно описывается поездка Добрыни (и/или Алеши Поповича), его испуг и возвращение, о которых рассказывается не для снижения образа других персонажей, но для того, чтобы подчеркнуть особую богатырскую силу Ильи.

в) Подробное изображение охотничьих атрибутов чужеземца, его ловчих птиц и зверей, объясняющих его имя Сокольник или

Подсокольник, которое в этом типе былин присутствует постоянно, его богатырской силы (“кого возьмет за руку – руку выдернет, кого ухватит за ногу – ногу выставит”⁴).

г) Предыстория сражения (цель приезда чужеземца) сообщается только в тех былинах, где речь идет о битве отца с сыном. Тогда (например, в мезенских былинах) единоборство отца с сыном мотивируется рассказом о матери иноземца, обстоятельствах его рождения и детства. Обычно в начале песни повествуется о том, как Илья встречает в поле “поляницу” (женщину-богатыршу), побеждает ее в единоборстве, остается у нее жить, но затем покидает ее. В некоторых вариантах былины говорится, что, прощаясь с женщиной, Илья оставляет ей крест для будущего сына и именной перстень для дочери. Отдельные варианты песней упоминают о том, как сверстники насмеются над происхождением сына Ильи: его обижают за то, что он не знает своего отца (в мезенских былинах, например, рассказывается о болезненной реакции сына на прозвище “сколотыш”)⁵. Оскорбления сверстников объясняют причину отъезда Сокольника – сын отправляется на поиски отца, желая отомстить за покинутую мать. Так, внимание в этом типе былин переносится с Ильи на Сокольника.

Во втором типе, распространенном в западносибирских былинах, в Прионежье, внимание сосредоточено на самом Илье, а не на его чужеземном противнике, который может называться самыми разными именами (Збут, Бориско, Михайло, Василий, Кузьма Семерцянинов, Соловник, Сокольник). Здесь нет описания заставы, отсутствуют упоминания о безрезультатном выезде других богатырей, рассказывается о поездке одного Ильи и о его встрече с врагом в поле.

При всех различиях двух типов былин в них присутствует традиционно-эпическое описание битвы. Актуальному поединку предшествует вербальный (см. ниже): противники обмениваются угрозами и оскорблениями, а затем съезжаются и вступают в бой. Сначала Илья и чужеземец дерутся оружием, но не могут одолеть друг друга, тогда они сходят с коней и вступают врукопашную. В одних вариантах былин враги бьются сутки или трое суток, в других – полтора года, по колено врастая в землю.

В качестве осложняющего в оба типа былин может вводиться мотив временного поражения Ильи из-за несчастной случайности. Илья падает, а враг насаждает на него и упрекает: “Ах ты, старый седатый пес! Сидел бы в деревне, свиней бы пас!”. Однако в самую трудную минуту Илья вспоминает о своих былых добрых делах: “Сколько я стоял за веру христианскую, / еще боле я стоял за церковь Божию, / Сколько я стоял за благочестивых вдов... / Они были богомольныя, / День и ночь Богу молятся!”, и это спасает его: “Не серая утица востопорщится: / Илья на земле поворотится; / Метал Сокольника под вышину небесную”. В обоих типах былин возможно также введение мотива Антея (получения силы от земли) – “лежучи у Ильи втрое силы прибыло”⁶. Победивший Илья спрашивает своего противника о его роде и имени и, получив ответ, понимает, что тот – его собственный сын от бабы Латыгорки (или Златыгорки, Горынинки), от моря Студеного, от камня Латыря⁷.

Былины об Илье Муромце и Сокольнике допускают разные окончания. Существуют версии, в которых Илья берет сына “за руку правую, целует его во уста во сахарные”, говорит: “С твоей матушкой родимой / Стояли мы три года – / тегались, / Собственный ты мой ронной сын, / Оттого и рука у меня остаивалась”⁸. Однако в большинстве вариантов повествуется о том, как после победы отца оскорбленный сын сначала возвращается к матери и убивает ее, а затем вновь пытается отомстить отцу⁹. Сокольник наносит спящему отцу предательский удар, после чего Илья жестоко наказывает сына: “Да хватал он Сокольника за черны кудри, / Да вызнал его выше могущих плечь, / Опустил он его да о кирпичат пол – / Да тут-де Сокольнику смерть случилось”¹⁰. Второй тип (западносибирские былины), в которых обычно отсутствует мотивация в поступках персонажей, неизменно оканчиваются гибелью противника Ильи.

Былины о битве Ильи Муромца и Сокольника, несомненно, следует поставить в один ряд с памятниками, повествующими о том, как сын рождается от встречи героя с чужеземной женщиной, а возмужав, отправляется на поиски своего отца. Почти всегда в них говорится о том, что отец убивает своего сына раньше, чем происходит признание¹¹. Так, в осетинском эпосе Урызмаг

случайно убивает мальчика и лишь тогда выясняет, что это был его сын; в персидском эпосе Рустам наносит смертельный удар, а потом узнает в умирающем противнике своего сына Сухраба; Кухулин убивает своего сына Конлаха, а затем горько раскаивается в этом; в кельтских сказаниях Клизамор убивает своего сына Картона, а на четвертый день умирает и сам. Эстонский богатырь Кивви-аль так надавливает сыну коленом на грудь, что сын умирает, тогда отец бросается с высокой скалы. Если сыну случается победить отца, то они погибают оба. Киргизский герой Сайдилда, например, победив своего отца Гали, бросается в пропасть.

Параллели этому сюжету найдены и в античном эпосе (Одиссей и Телегон), и в армянском (Давид Сасунский и его сын Мгер), и в ближневосточных (азербайджанском и турецком) вариантах эпических сказаний (Кёроглы и его сын Хасан-Бек), и в арабском романе “Антар”, а также в более поздних средневековых литературных традициях – французских и немецких эпических поэмах и рыцарских романах¹².

В большинстве перечисленных памятников присутствуют те же образы и мотивы, что и в былинах об Илье и Сокольнике:

1) покинутая жена, обычно царского рода, иногда богатырша: в киргизском сказании богатырь Гали сражается с богатыршей-царевной Даригой, а затем покидает ее; в персидском эпосе Тахмина – царская дочь сама является к Рустаму и предлагает ему свою любовь, однако Рустам оставляет ее; в кельтских сказаниях Клизамор женится на Моине, дочери Ревтамира, старейшины города бриттов, но оказывается вынужденным бежать от бриттов; Кухулин лишь обманом оказывается в состоянии победить королеву-богатыршу Айфе и требует от нее отдаться ему и родить сына, а сам возвращается на родину; Илья покидает будущую мать своего сына, которая в некоторых былинах именуется королевой Задонской, а сын Ильи называется Петром царевичем Золотничанином из Северной стороны да Золотой орды или младым королевичем Збутом;

2) опознавательный предмет, который отец дает матери для рожденного или еще не родившегося младенца: стосковавшись дома, эстонский богатырь Кивви-аль едет к финнам, оставив для

сына волчий зуб на цепочке; расставаясь с Айфе, Кухулин велит ей хранить золотой перстень для сына; покидая Тахмину, Рустам вручает ей для будущего сына или дочери “заветный, с камнем счастья талисман”¹³; в северо-восточных былинах Илья дает Горынинке для сына – крест, для дочери – перстень;

3) богатырское детство сына, совершающего первые подвиги в раннем возрасте: сын Кухулина Конла в семь лет побеждает сильнейших мужей Ирландии, а затем и своего отца; младший сын Давида Сасунского Мгер в 15-летнем возрасте руками раздирает льва; Сухраб “был через месяц... как годовалый, / грудь широка, как у Рустама, стала”, а в 10 лет становится таким могучим, что “с ним на бой никто не выходил”¹⁴; в киргизском эпосе годовалый Сайдилда убивает детей щелчком в лоб; в былинах “не по годам растет Сокольник, по часам; / Каковы-то люди в людях во семнадцать лет, / А у нас был Сокольник семи годов / Ишше стало Сокольнику двенадцать лет/ <...> Он задумал съездить взять на стольне-Киев-град”¹⁵;

4) пересечение границы – встреча мужей, принадлежащих разным племенам (народам): в эстонском сказании богатырь Кивви-аль, который покинул родину, поселился у финнов и стал их предводителем, встречается с сыном, бьющимся на стороне эстов; сын Кухулина Конла, рожденный в Шотландии, приплывает в Ирландию искать отца, лучшие бойцы пытаются воспрепятствовать ему войти в страну; ирский богатырь Клизамор попадает к бриттам, вступает в брак, а потом оказывается вынужденным покинуть их, его сын Картон, возмужав, отправляется на войну с ирами и встречается с отцом; Рустам оказывается в Забулистане, когда Сухраб пересекает границы Ирана; в северо-восточных былинах рассказ о битве Ильи с сыном начинается с описания богатырской заставы;

5) безрезультатный выезд одного или нескольких богатырей, предшествующий битве отца с сыном: в сражении между ирами и бриттами Картон побеждает двух самых выдающихся ирских героев; против Конлы, сына Кухулина, сначала выступает разумный и красноречивый Кондере, затем Коннал Победоносный, которого мальчик сбивает с ног метким ударом, и лишь затем сам Кухулин; Тус, самый сильный витязь после Рустама, первым

сражается с Сухрабом и терпит от него поражение; в северо-восточных былинах на встречу с Сокольником выезжает сначала Алеша Попович, потом Добрыня Никитич и лишь последним Илья Муромец.

Кульминацию повествования о единоборстве отца и сына составляет сцена перебранки, предваряющей поединок (похвальба сына и насмешки над старостью отца). Так, Картон спрашивает Клизамора: “Разве некем тебе заменить, седатый воин? Или нет у тебя сына, чтобы выйти против меня?”; Сухраб требует от Рустама отказаться от единоборства с молодым противником: “Ты богатырь, ты станом – кипарис, / Но стар годами, так не молодись”¹⁶; Сокольник издевается над сединой Ильи: “Ах ты, старый седатый пес! Сидел бы в деревне, свиной бы пас!”

За словесным поединком отца с сыном следует реальный, который неизменно заканчивается победой отца, обычно после временной победы сына¹⁷. Так, сын Кивви-аля побеждает своего отца, однако щадит его жизнь, тогда отец отправляется к камню за хранящейся там силой, снова сражается с сыном, повергает его наземь, надавливает ему коленом на грудь и ломает ее. Сын Кухулина Конла ударом меча обривает отцу голову, трижды повергает его на землю, дважды топит его, но отец обманным ударом бросает под воду рогатое копьё и поражает мальчика. Картон ломает копьё своего отца Клизамора и выбивает у него меч, однако Клизамор смертельно ранит Картона кинжалом. Сухраб дважды побеждает Рустама в единоборстве, причем Рустам спасается только хитростью, ссылаясь на древний закон, согласно которому убивать противника можно якобы только после второй победы над ним, самому Рустаму удается повалить Сухраба, только “стыдом за прошлое горя”, поэтому он, понимая, что “удержать не хватит сил”¹⁸, вонзает сыну в бок кинжал; в былинах побежденным оказывается сначала Илья, а потом Сокольник.

Приведенные черты сходства, скорее всего, имеют не генетический, но типологический характер. В этих приметах типологического сходства можно различить и фольклорные мотивы: битва с богатырской девой, женитьба на царевне, отъезд жениха или уход чудесной девы, волшебный предмет, поиск (отца или невесты), богатырское детство.

Повсеместная распространенность сюжета о битве отца с сыном в древнейшей эпической традиции заставляла исследователей высказывать предположение, что он восходит к праиндоевропейскому архетипу¹⁹. Помимо гипотезы, возводящей тематическое сходство к общему происхождению, высказывалась гипотеза заимствования, объясняющая сходство миграцией сюжета. Однако ни одна гипотеза не помогает понять, почему наиболее сходные варианты сюжета обнаруживаются в крайних ареалах его распространения, например, эстонский и иранский варианты совпадают в мотиве отдачи героем его чрезмерной силы на хранение до поединка²⁰. В настоящее время подобные сюжетные аналогии обычно объясняют историко-типологическими схождениями эпических традиций, которые относятся к наиболее глубокому семантическому слою устной словесности²¹.

Предполагалось, что сюжет битвы отца с сыном отражает конфликт двух эпох: материнского и отцовского рода²². В эпоху матриархата жена часто не принадлежит к роду мужа, т. е. брак оказывается экзогамным. Соединение мужа и жены проходит на территории рода жены, а не мужа, дети же, рожденные в таком браке, принадлежат роду матери и не знают отца, т. е. такой брак может называться матрилокальным и матрилинейным.

Матриархальный брак имеет временный характер, причем этот временный характер не осуждается. Если в эпоху матриархата ребенок остается при матери, мужа которой могут меняться, то в эпоху патриархата и норм моногамного брака дети, рожденные вне регламентированного брака, считаются незаконными. В памятниках, построенных вокруг сюжета о поединке отца с сыном, присутствуют характерные черты брака материнского рода (экзогамность, матрилокальность, матрилинейность и временность), однако незаконность происхождения сына, подчеркиваемая в некоторых произведениях, например в северо-восточных былинах, противоречит существующей при матриархате норме. Поэтому предполагается, что сюжет битвы отца с сыном восходит к эпохе, переходной от матриархата к патриархату²³. Этот сюжет обычно строится вокруг того, как сын, унаследовавший богатырскую силу и от отца, и от матери и потому оказывающийся сильнее обоих, отправляется “отыскать себе роду-

племени”. Столкновение юного богатыря с отцом ведет к поединку, в результате которого сын узнает отца. Сын видит в отце врага материнского рода и решает ему отомстить, – таким образом мотивируется второе столкновение сына с отцом, всегда имеющее фатальный для сына исход.

Битва отца с сыном, несомненно, относится к “бродячим сюжетам” *par excellence* и в качестве такового рассматривается в фольклористике²⁴. Почти во всех случаях сходство имеет типологический, а не генетический характер – сюжет о битве отца с сыном восходит к эпохе конфликта матриархата с патриархатом и настолько широко распространен в героическом эпосе, что может быть отнесен к одной из его характерных черт.

* * *

Сюжет битвы отца с сыном встречается и в германских памятниках, однако их сходство не всегда объясняется исключительно типологией, а потому требует особого рассмотрения. В германском эпосе этот сюжет связан с циклом сказаний о Дитрихе Бернском (Теодрихе Великом) и приурочен к возвращению последнего из 30-летнего изгнания в стране гуннов²⁵. С Дитрихом часто ассоциируется имя Хильдебранда (Hild – “битва”, brand – “меч”), которого германский эпос изображает воспитателем и начальником готской дружины²⁶.

Самый ранний германский эпический памятник об этом герое – это древневерхненемецкая “Песнь о Хильдебранде”²⁷, которая, как считается, дает древнейший образец общегерманской краткой героической песни²⁸. В “Песни о Хильдебранде” присутствуют основные морфологические признаки, характерные для древнегерманской краткой героической песни на начальном этапе развития эпоса: краткость, объясняемая тем, что дружинный певец исполняет песню на пиру, малое число сцен и персонажей, отсутствие экспозиции, внезапный зачин, вводящий непосредственно в крайне напряженное положение, драматический диалог, продвигающий действие от одной вершины к другой²⁹. Предполагалось, что певец повествует в подобных песнях об одном эпизоде героического сказания, считая, что аудитория уже знакома со всем сказанием целиком³⁰.

“Песнь о Хильдебранде” начинается без экспозиции *in medias res* – старый Хильдебранд, бежавший вместе со своим господином Дитрихом Бернским от “гнева Отахра” (Одоакра) и проведенный 30 лет в изгнании при дворе гуннского короля Аттилы, возвращается на родину во главе войска и встречает своего сына Хадубранда, которого оставил на родине еще младенцем. Хадубранд выезжает со своей дружиной навстречу врагам: “Я вести внимал, что поведала, / Как витязи кликали клич: / На бой, в поединке сразиться / Вызывали друг друга они – / То Хильдебранд с Хадубрандом / Меж войск повстречались своих. / Сын и отец осмотрели / Доспехи свои, на чреслах / По кольцам кольчуги крепили / На пояс крепком мечи. / Снаряжались к сраженью герои, / Пред полки поскакали они”³¹ (пер. Т.Я. Сулиной, 1-6).

К кульминации повествования в “Песни о Хильдебранде”, так же как и в былинах о единоборстве Ильи с сыном, подводит предшествующий битве словесный поединок, который состоит из кратких фраз, продвигающих действие.

Обмен речами между отцом и сыном начинается с того, что Хильдебранд спрашивает своего противника о его роде и племени:

«Хильдебранд речь повел первым, / Старше годами и опытом мудр, / Юношу он вопрошал: / “Какого ты племени-роду, / Кличешь отцом ты кого? / Среди соплеменников славны / Родичи, чаю, твои. / Имя одно назови мне, / Скажу остальные я сам: / Мне ведом народ сей, дитя” (7-13). Хадубранд отвечает, сын Хильдебранда: “Мне мудрые старцы поведали, / Что давние помнят дела: / Хильдебранд звался отец мой, / Хадубранд я зовусь. / Отправился он на Восток, / Гнева Отахра бежал, / С Дитрихом и с дружиной. / В отечестве он покинул / Жену и младенца-сына, / Наследья лишенных, и прочь / К восточной земле устремился. / Нуждался в нем Дитрих древле, / Бедный друзьями изгнанник, / К Отахру он гневом пылал. / Дитриха воин любимый / В битву водил дружину, / В сече всегда был первым, / Славен меж храбрых мужей”» (14-29).

Нужно заметить, что в начальной части словесного поединка нет ни оскорблений, ни угроз, ни насмешек. Хильдебранд спрашивает, отнюдь не похваляясь, но лишь утверждая (и предупреждая), что ему “известны все люди в королевстве”, а Хаду-

бранд называет свое имя, с гордостью и откровенным восхищением говоря о своем отце. Услышав рассказ Хадубранда, Хильдебранд хочет приветствовать его как сына, – он снимает с руки кольцо, подаренное ему королем гуннов и выкованное из королевского золота, и говорит: “Прими в знак приязни его” (35) – употребленное в оригинале слово *huldi* значит “благодарность, милость”. Однако юный Хадубранд принимает это за хитрость “старого гунна” и отвечает: “Копьем, острием к острию, / воин приемлет награду. / Старый гунн, твои речи лукавы, / Копье твое смертью грозит. / Оттого до седин ты дожил, / Что к обману и лести привык. / Люди бывалые весть / Мне привезли из-за моря: / Хильдебранд в битве пал, / Мертв Херибранда сын! / По кольчуге сверкающей вижу: / Одеянье богато твое, / Знать, хорошего князя ты воин / И изгнанником вряд ли слынешь” (36-47).

В этой центральной части словесного поединка уже появляются оскорбительные речи, однако принадлежат они лишь одному из противников – Хадубранду, ослепленному жаждой подвигов. Он слышал, что отец умер, и потому обвиняет Хильдебранда во лжи, называя его “старым гунном”. Хадубранд считает, что его заманивают в ловушку и хотят умертвить. Своими оскорблениями он принуждает Хильдебранда принять бой.

Поединок отца и сына предваряется речью Хильдебранда: “Боже всесильный, поистине зла / Ныне вершится судьба: / Тридцать лет я в земле / Чужедальней скитался, / Бился в первых рядах / И метал я копье / С той поры, как дружинником стал, / Но у стен крепостных не единожды / Не был в битве кровавой сражен. / Ну, а ныне родимое чадо / Пронзит мне кольчугу железом, / Изрубит меня секирой, / Или сам его стану убийцей. / Ты же сможешь, однако, / Коль силы достало, / Старца доспехи добыть, / Павшего панцирь получишь, / Коли право свое утвердишь” (48-57). “Тот презреннейший трус / из восточных земель, / кто от битвы теперь уклонится. / Не избегнуть сраженья, / Что любо тебе. / Испытаем который из нас / Похвалиться добычею сможет, / Снимет латы и поле покинет, / Оружьем двоих нагружен” (58-62).

Речь Хильдебранда трудно принять за похвалбу, это скорее трезвая констатация свершившегося, объяснение создавшегося положения из глубины того прошедшего, которое стало причи-

ной трагической ситуации в настоящем. Как и во всем сказанном Хильдебрандом, в его последних словах нет оскорблений, скрытая угроза таится лишь в его заключительной фразе: “Испытаем...” Однако именно эта речь Хильдебранда кладет конец словесному поединку, и начинается настоящая битва отца с сыном – сшибаются ясеневые копыя, мечи ударяются о щиты. На этом сохранившийся фрагмент обрывается, и можно лишь гадать, чем закончилось сражение Хильдебранда с его сыном Хадубрандом.

Сцены словесных поединков героев со своими противниками, подобные той, которая занимает большую часть сохранившегося отрывка из “Песни о Хильдебранде”, часто встречаются и в древнегерманском эпосе (в “Беовульфе”, песнях “Старшей Эдды”), и в прозаических памятниках (сагах о древних временах, сагах об исландцах и королевских сагах), и в “Истории датчан” Саксона Грамматика, и в русских былинах. Перед тем, как вступить в бой, герои оскорбляют друг друга, обмениваются угрозами и обвинениями, похваляются своей силой и доблестью. Для словесных поединков характерна не только общая семантика (хула, похвальба и угрозы), но и почти идентичная стилистика:

а) Формульные вопросы, которым соответствует формульность ответов. Ср. в былинах: “Ты зачем рано похваляешься? / Не уловя ты птицы, теребишь ее, / Не сваривши птицы, Богу молишься?”³²; и в “Песни о Хильдебранде”: “Копьем, острием к острию, / воин приемлет награду <...> Какого ты племени-роду, / Кличешь отцом ты кого? / Среди соплеменников славны / Родичи, чаю, твой”.

б) Применение словесных повторов и синтаксических параллелизмов поддерживает логический параллелизм. Враг (или сын) Ильи Сокольник (или Подсокольник), не признавая своего отца, ездит по чисту полю, играет копьем, похваляется и угрожает: “Коль легко я верчу острым копьем, / Толь легко буду вертеть Ильей Муромцем”. В “Песни о Хильдебранде”: “Имя одно назови мне, / Скажу остальные я сам: / Мне ведом народ сей, дитя” (7-13).

в) Эмфатически противопоставляются местоимения “я”–“ты”. Сокольник отвечает на вопрос Ильи о роде и племени: “Вот кабы я у тебя сидел на грудях, / Не стал бы тебя долго спрашивать, / А спорол бы тебе, старому, белые груди”. В “Песни о Хильде-

бранде”: “Тридцать лет я в земле / Чужедальней скитался, / Бился в первых рядах / И метал я копье / С той поры, как дружинником стал... / Ты же сможешь, однако, / Коль силы достало, / Старца доспехи добыть, / Павшего панцирь получишь, / Коли право свое утвердишь”.

д) Широко используются прямые обращения. Илья Муромец обращается к сыну: “Ой ты гой еси, поленица удалая!”, Сокольник отвечает ему: “Ах ты, старый седатый пес! Сидел бы в деревне, свиней бы пас!” Хильдебранд говорит сыну: “Мне ведом народ сей, дитя”. Хадубранд оскорбляет отца: “Старый гунн, твои речи лукавы”.

е) Морфология. В угрозах и в похвальбе преобладает восклицательная форма предложения, сослагательное или повелительное наклонение, настоящее или будущее время. Илья Муромец, отправляющийся на битву с Сокольником, похваляется: “Не успеете вы да штей котла сварить – Привезу я голову да молодецкую!” [Былины Печоры. 2001. С. 360]. В обвинениях, напротив, употребляются предложения в повествовательной форме, изъявительное наклонение, прошедшее или настоящее время, ср. в “Песни о Хильдебранде”: “Старый гунн, твои речи лукавы, / Копье твоё смертью грозит. / Оттого до седин ты дожил, / Что к обману и лести привык”.

Перечисленные особенности в структуре и стилистике словесного поединка характерны для большинства его образцов, особенно древнегерманских. Однако это одна из немногих черт сходства (ср. также мотив пересечения границы), роднящих “Песнь о Хильдебранде” с былинами об Илье и Сокольнике. В частности, все былины содержат вариант сюжета, в котором отцу заранее неизвестно, что он вступает в бой со своим сыном, напротив, в “Песни о Хильдебранде” отец знает, что перед ним его сын и всячески стремится избежать столкновения. Более того, в “Песни о Хильдебранде” отсутствуют почти все приведенные выше черты сходства, которые сближают былинку с другими памятниками, построенными вокруг сюжета битвы отца с сыном. Здесь не упоминается ни о матери юного героя, ни об опознавательном предмете, который отец оставляет для ребенка, ни о богатейском детстве сына, ни о безрезультатном выезде других ге-

роев, ни о запугивании отца. “Песнь о Хильдебранде”, насколько можно судить о ней по сохранившемуся отрывку, очевидно связана с былинами лишь типологически и дает образец наиболее архаичного варианта сюжета о битве отца с сыном.

* * *

О герое “Песни о Хильдебранде” сложены и другие германские (немецкие и скандинавские) памятники. В Германии с ним связана и “Песнь о Нибелунгах”, в которой старый Хильдебранд, дружинник Дитриха Бернского, убивает не своего сына, но королеву Кримхильду, и поздние немецкие переработки, такие как “Младшая Песнь о Хильдебранде” (“Das Jüngere Hildebrandslied”, XV в.), и еще более поздние баллады, например, “Песнь о старом Хильдебранте” (“Das Lied vom alten Hildebrandt”), записанная в 1806 г.

В Скандинавии о Хильдебранде рассказывается в одной из исландских саг о древних временах – “Сага об Асмунде Убийце Воителей” (Ásmundarsaga Kappabana), в которой приводится поэтическая “Предсмертная Песнь Хильдибранда”. О том же герое, но под другим именем (Хильдигер) рассказывает и Саксон Грамматик в “Деяниях датчан”.

О скандинавском варианте сказания о Хильдебранде можно составить представление по “Саге об Асмунде Убийце Воителей” (сохранившейся в двух рукописях MS SKB 7 4to – XIV в. и AM 586 4to – XV в.). Сюжет саги строится вокруг мотива злой судьбы, управляющей жизнью двух сводных братьев Хильдибранда и Асмунда. Старший брат Хильдибранд – сын Хельги и Хильд, дочери шведского короля Будли, и внук гуннского короля Хильдибранда, в честь которого он назван. Он воспитывается у деда, который возлагает большие надежды на внука с самого его детства: “Хильдибранд конунг сказал, что верит в то, что вырастет воитель” – Hildibrandr konungr... kveðst vænta, at þar mundi fœðast einn karri³³ (гл. 2; ср. фольклорный мотив богатырского детства героя). Хильдибранд действительно вырастает великим воином и получает почетное прозвище Гуннский Воитель (Húna karri, гл. 4). Жизнь Хильдибранда с самого начала складывается трагически. Его отец погибает в бою, а его дед по матери Будли оказывается слишком старым, чтобы управлять

Швецией. Король датчан Альв нападает на старого Будли и убивает его, а потом берет в плен мать Хильдибранда Хильд и выдает ее замуж за датского героя по имени Аки, от которой у нее рождается сын Асмунд. Как и Хильдибранд, Асмунд уже в раннем детстве выделяется силой, а когда вырастает, становится настоящим викингом – его руки, покрытые шрамами и темные от крови, до самых плеч унизаны добытыми им кольцами.

Хильдибранд, как подобает герою, решает отомстить за смерть отца – он отправляется в Швецию, покоренную датским королем Альвом, и убивает его. Однако у Альва есть дочь Аса Прекрасная, в которую влюбляется Асмунд. Аса тоже жаждет мести и обещает выйти замуж за Асмунда, только если он убьет Хильдибранда. Она указывает Асмунду место в море, где спрятан тот меч, который принесет Хильдибранду смерть. Чтобы исполнить наказ невесты, Асмунд отправляется в страну саксов, которую разоряют Хильдибранд и его берсерки. Гонец докладывает Хильдибранду о прибытии Асмунда, замечая, что тот поразительно похож на Хильдибранда лицом и поведением, а его меч – точная копия меча Хильдибранда. Услышав новости, Хильдибранд замечает лишь: “Много находишь ты в этом человеке, <...> ты говоришь с далеко идущими последствиями” (Mikit finnst þér um þenna mann <...> framarla segist þér frá, гл. 7), однако прилагает все силы, чтобы избежать встречи с Асмундом. Хильдибранд, очевидно, знает, что ему суждено погибнуть от руки брата, однако Асмунд и не подозревает о существовании сородича. После ряда единоборств Асмунд побеждает всех 44 воинов Хильдибранда. Когда Хильдибранд узнает о том, что его воины убиты, его охватывает ярость берсерка (Ok er Hildibrandr frá þetta, at kappar hans váru drepnir, þá kom á hann berserksgangr, гл. 9).

Изображая ярость Хильдибранда, создатель саги добавляет не вполне мотивированную фразу об убийстве сына (“И в этом неистовстве, которое на него нашло, он отправился в путь, и тут увидел своего сына, и сразу же убил его” – En í vanstilli þessu, er á honum var ok hann var á ferðina kominn, þá sá hann son sinn ok drap hann þegar, гл. 9). Предполагалось, что в “Саге об Асмунде” эта фраза появилась под влиянием “Саги об Эгиле” (гл. 40), в которой Скаллаgrim едва не убил своего сына Эгиля, которого

спасла служанка, поплатившаяся за это жизнью³⁴. Однако более вероятно, что сообщение об убийстве сына добавлено создателем саги для того, чтобы мотивировать упоминание о сыне в “Предсмертной Песни Хильдибранда”.

Эту песнь Хильдибранд исполняет после того, как получает тяжелые раны в битве с Асмундом, который разбивает его меч и побеждает в единоборстве (гл. 9). В предсмертной песни Хильдибранд сетует на свою злую судьбу и открывает Асмунду правду о том, что они рождены одной матерью, называя ее “Drótt” (“дружина”)³⁵, хотя в прозаическом тексте саги она носила имя Хильд (Hild – “битва”). Хильдибранд говорит в песни и о судьбе волшебных мечей, о которой было более подробно рассказано в первой главе саги (два карлика-кузнеца выковали для конунга Будли два волшебных меча, однако один из них сломался, когда мечи проверяли на крепость; карлик, сделавший другой меч, рассердился на Будли и проклял свой меч, предсказав, что его меч принесет смерть самому прославленному внуку конунга; тогда Будли бросил меч в море, надеясь избежать злого рока).

Mjök er vandgætt	“Очень трудно управиться
Hvé verða skal	С тем, как должно быть,
Ef borinn öðrum	Если один рожден другому
At banorði	На смертную участь.
Þik Drótt of bar	Тебя Дротт родила
af Danmörku,	В Дании,
en mik sjálfan	А меня самого –
á Svíþjóðu.	В Швеции.
Tveir váru þeir	Два было их,
tyrvir gjamir	Рьяных меча,
Buðla nautar,	подарка Будли,
nú er brotinn annarr.	Теперь один разбит.
Svá höfðu dvergar	Так их карлики
dauðir smíðat	Мертвые сковали,
sem engi mun	Как никогда прежде не было
áðr né síðan.	И впредь не будет”.

Далее в предсмертной песни Хильдибранд говорит о своем разбитом щите, на котором были высечены имена побежденных им воинов и вспоминает о гибели сына:

Stendr mér at höfði	“Стоит у меня во главе
hlíf in brotna,	Щит расколотый,
eru þar taldir	Там посчитаны
tigar ins átta	Восемь десятков
manna þeira,	Тех мужей,
er ek at morði varð.	Которых я убил.
Liggur þar inn svási	Лежит там милый
sonr at höfði,	Сын во главе,
eptirerfingi,	Мой наследник,
er ek eiga gat,	Которого я породил,
óviljandi	Не желая того,
aldrs synjaðak.	жизни лишил”.

В заключении предсмертной песни Хильдибранд называет своего убийцу братом и умоляет исполнить его последнее желание. Он просит завернуть его в одеяние брата и похоронить так, как ни один убийца не сделает для того, кого он убил. Заключительные слова “Предсмертной Песни Хильдибранда” звучат почти как эпитафия самому герою: “Теперь лежу я, лишенный жизни, раненный мечом, который наносит тяжкие раны”. Стойкость Хильдибранда перед лицом смерти во исполнение злой судьбы заставляет вспомнить о героях древнегерманского эпоса, таких как Гуннар или Хамдир в эддических песнях.

В ответ на предсмертную песню брата Асмунд тоже произносит стихи, в которых, подобно Хильдибранду, говорит о судьбе. Он вспоминает, как еще до встречи с братом победил в единоборстве сначала одного, потом двух, четырех и, наконец, восьмерых воинов, прежде чем дисы предсказали ему во сне грядущую победу, и тогда явился седой Хильдибранд Воитель Гуннов (inn hági Hiltibrandr Húnakarr). С ним Асмунд вступил в неравный бой, и все же ему удалось нанести противнику тяжкие раны и одержать предсказанную дисами победу. В прозаической части саги добавляется, что гибель брата вызывает раскаяние Асмунда. Он гневается (reiðask, гл. 10) на свою невесту за то, что она заставила его убить брата. Та просит прощения, объясняя, что “могущественное заклятие было наложено на оружие” (mikit atkvæði fylgt hafa várpnum, гл. 10). В заключении саги Асмунд убивает жениха принцессы, сам женится на ней и получает подобающую герою славу.

Предсмертная песнь сохранилась также в переложении латинскими стихами в “Деяниях Датчан” Саксона Грамматика, где рассказывается та же история братоубийственной вражды, что и в “Саге об Асмунде”, но имена героев изменены³⁶. Так, Хильдибранд носит имя Хильдигера, а его сводный брат – имя Хальвдана. Основная тема предсмертной песни в “Деяниях Датчан” – та же, что и “Саге об Асмунде” – это судьба, которая правит жизнью людей:

Collibet alternis devolve fatibus horam,
Et, ferro pausante, solo subsidere paulum,
Alternare moram dictis animosque fovere.
Restat proposito tempus; nam fata duorum
Fors diversa tenet; alium discrimine certo
Sors ferialis agit, alium potioribus annis
Pompa decusque manent et agendi temporis usus.
Sic sibi dividuum partes discriminate omen.
Danica te tellus, me Sveticus edidit orbis
Drot tibi maternum quondam distenderat uber;
Нас гинитрице tibi partier collacteus exto.

“Мне хочется этот час провести, говоря о различных судьбах, заставить металл умолкнуть, только присесть немного, разнообразить перерыв разговором и согреть сердца. Для этого есть еще время. Разные судьбы выпадают двоим, жребий смерти приводит одного к назначенному ему концу, в то время как другому остаются шествия и слава и возможность прожить дни лучших лет. Так предзнаменование наделяет их разными судьбами. Датская земля родила тебя, Швеция – меня. Однажды материнская грудь Дрот набухла для тебя; я также сосал молоко из ее сосца”.

В переложении Саксона Грамматика мать героев носит то же имя (Дрот, Дрота), что и в “Предсмертной Песни Хильдибранда” из “Саги об Асмунде” (Дротт), однако в прозаическом тексте саги ее зовут Хильд. В обеих песнях совпадает и место рождения героев (в саге умирающий Хильдибранд говорит: “Дротт родила тебя в Дании, а меня – в Швеции”). Однако в стихах Саксона

Грамматика нет просьбы о достойном погребении, большую их часть занимают рассуждения о беспомощности человека перед лицом злого рока, воспоминания о несчастьях, постигших героя в жизни, противопоставление его собственных невзгод и будущей славы Хальвдана, размышления о трагической судьбе двух братьев, которые в погоне за славой и добычей должны встретить смерть.

В предсмертной песни Хильдигера не упоминается о проклятом мече, играющем роковую роль в “Саге об Асмунде”. В отличие от саги в рассказе Саксона Грамматика нет речи о том, что мечи, носящие здесь имена Люсинг и Хвитинг, наделены магической силой, однако, как и в саге, они принадлежат материнскому роду героев. Когда шведы нападают на Норвегию, старый Рёгнальд, отец Дрот, прячет мечи в пещере, в той же пещере скрывается и сама женщина. Шведы под предводительством Гуннара находят Дрот, но не могут найти мечей. Брак Дрот с Гуннаром, больше похожий на насилие над ней, предвещает печальную судьбу рожденному от этого брака Хильдигеру. Саксон не раз упоминает о его свирепом нраве, унаследованном им от отца Гуннара, который был отважнейшим из шведов, но, вторгшись в Норвегию, стал жестоким, кровожадным и безжалостным. В отличие от Хальвдана, проливающего кровь по необходимости и только в целях самозащиты, Хильдигер убивает всех без пощады, пока отец не объявляет его вне закона. Поэтому Гуннар оказывается без помощи сына, когда враги нападают на него самого, и гибнет от руки Боргара, который хочет заполучить его жену.

Второй брак Дрот с убийцей Гуннара Боргаром кажется более благоприятным для ее младшего сына Хальвдана. Хотя Хальвдан в детстве не подает надежд, однако, получив пощечину, убивает своего обидчика. Выслушав отказ от датской принцессы Гурид в ответ на свое сватовство, он доказывает ей свою отвагу и силу, в одиночку принимая вызов 12-ти воинов, составляющих всю ее стражу, но победив их, не присуждает ее к браку. Хальвдан хочет заслужить славу, отправившись на Русь и оказав помощь рутениям (славянам), и для того просит мать отдать ему мечи. Тем не менее в прозаическом рассказе о его поединке с братом, который предводительствует врагами рутениев – шведа-

ми, мечи не играют никакой роли, так как меч Хальвдана остается не названным. Можно предположить, что Саксон пытается избежать упоминаний о волшебных свойствах мечей, одновременно стремясь следовать той традиции, которая сохранила для него рассказ о них.

В предсмертной песни Хильдигера нет речи о волшебных мечах, однако в ней рассказывается о смерти сына, скорби отца и даже говорится о матери убитого, т. е., вероятно, о жене Хильдигера, так же ни разу не упоминаемой в прозаическом тексте, как и его сын:

Ad caput affixus clypeus mihi Sveticus astat,
 Quem specular vernans varii caelaminis ornat,
 Et miris laqueta modis tabulate coronat.
 Illic confectos prociures pugilesque subactos,
 Bella quoquo et nostrae facinus spectabile dextrae
 Multicolor picture notat; medioxima nati
 Illita conspicuo species caelamine constat,
 Cui manus haec cursum metae vitalis ademit.
 Unicus hic nobis haeres erat, una paterni
 Cura animi, superoque datus solamine matri.
 Sors mala, quae laetis infaustos aggerit annos,
 Et risum moerore permit sortemque molestat.

“У моей главы стоит укрепленный шведский щит, украшенный ярким блеском различных рельефов и обрамленный картинами чудесного искусства. Здесь многоцветная сцена изображает принцев уничтоженных, победителей поверженных, также и войны, и чудесную работу моей десницы; и в середине стоит подобие моего сына, рельеф поразительно изукрашенный, чье течение жизни эта рука привела к его границе. Он был моим единственным наследником, единственной заботой на душе у отца, дарованным Свыше матери на радость. Зол тот рок, который посылает радостным годы несчастья, душит смех скорбью и рушит судьбу”.

В отличие от саги, в которой сказано, что сын Хильдигера погибает от руки отца непосредственно перед поединком братьев, стихотворное переложение Саксона, описывающее изобра-

жение убитого отцом сына на щите³⁷, позволяет предположить, что это убийство произошло задолго до поединка братьев.

Подобно Хильдигеру в “Саге об Асмунде”, Хильдигер прилагает все усилия, чтобы избежать схватки с братом, однако судьба неумолимо толкает его к роковому концу. Как главный защитник шведского короля, Хильдигер вынужден сразиться с Хальвданом, выступающим предводителем войска рутений (славян). Получив смертельный удар, Хильдигер тратит последние силы не на месть, но на исполнение предсмертной песни, в которой раскрывает брату глаза на их родство и размышляет о своей злой участи. За убийство Хильдигера Хальвдан наказан судьбой – его жена остается бесплодной. Прежде чем у него родится наследник, Хальвдан должен принести покаяние.

Нельзя не заметить, что в “Саге об Асмунде” и в переложении Саксона Грамматика присутствуют общие мотивы и образы: два меча, составляющие достояние материнского рода, дряхлый король, не способный управлять страной. В обоих памятниках сюжет битвы между братьями объединен с мотивом поиска невесты. В обоих приводятся поэтические тексты предсмертной песни героя, несомненно, восходящие к одному источнику. В этих поэтических текстах говорится об убийстве отцом сына, хотя в прозаической части, построенной вокруг сюжета о битве двух братьев, всякое упоминание о сыне отсутствует. Это сходство свидетельствует об устойчивости традиции, сохранившей сюжет о единоборстве кровных родичей и лежащей в основе обоих памятников.

В реконструкции древнескандинавского варианта сюжета о единоборстве отца с сыном следует обратиться еще к одному памятнику, в котором вновь встречаются имена Хильдигера и Асмунда, – фарерской “Песни о Снёлъве” (Snjólv kvæði)³⁸. В той части баллады, в которой рассказывается о герое по имени Хильдигер, упоминается и его сын Грим. Норны предсказывают, что Грим будет убит мечом своего отца, поэтому Хильдигер выбрасывает меч в море. Асмунд, “сын простой женщины” (kellingarson)³⁹, узнает об этом, находит меч, отправляется в викингский поход, а затем вступает в единоборство с Хильдигером и терпит поражение. Тогда он вызывает на поединок Грима,

однако тот отклоняет вызов. Асмунд посылает против него своих воинов, но все они погибают. Наконец Асмунду удастся заставить Хильдебранда вступить в бой со своим неизвестным сыном. Хильдебранд убивает Грима, а потом сам умирает от горя.

“Песнь о Снъёльве”, возможно основанная на более древней традиции, чем прозаическая сага, проливает свет на взаимоотношение скандинавской и немецкой версии сюжета о Хильдебранде. В фарерской песни присутствуют те же герои, что и в саге, однако, как и в древневерхненемецкой традиции (и в русских былинах), в ней идет речь о единоборстве отца и сына, а не о единоборстве двух братьев, как в других скандинавских памятниках (в “Саге об Асмунде” и рассказе Саксона Грамматика). Можно предположить, что сюжет битвы отца и сына более архаичен, чем единоборство братьев, он встречается в большем числе памятников и в более древних текстах – фрагмент древневерхненемецкой “Песни о Хильдебранде”, несомненно, отражает наиболее архаичную версию этого сюжета. Из этой архаичной версии другие поэтические памятники могли заимствовать отдельные выражения, такие, например, как *inn svási song* – «милый (букв. “сладкий”) сын» в “Предсмертной песни Хильдибранда” (ср. то же выражение в “Песни о Хильдебранде” – *suasat chund*). Мотив убийства отцом сына, вероятно, первоначально присутствовал только в поэтических памятниках – в древневерхненемецкой песни, фарерской балладе и “Предсмертной песни Хильдибранда”, восходящей к более древней традиции, чем тот прозаический контекст, в котором она приводится. В прозаический текст саги упоминание о гибели сына от руки отца было введено позднее, очевидно, для того, чтобы мотивировать рассказывающую об этом событии поэтическую строфу.

* * *

К архаичному варианту сюжета возвращаются и его поздние немецкие переработки. Так, “Младшая Песнь о Хильдебранде” (*Das Jüngere Hildebrandslied*, XV в.), вновь повествующая о битве отца с сыном⁴⁰, начинается с рассказа о том, как старый Хильдебранд собирается вернуться на родину в Берн к своей жене Утте (ср. мотив покинутой жены, характерный для различных

вариантов сюжета о битве отца с сыном). Узнав о намерении Хильдебранда, герцог Абелунг предостерегает его против юного воина Алебранда, охраняющего заставу (ср. мотив богатырской заставы в сюжете битвы отца с сыном). Хильдебранд отвечает, что не боится Алебранда и изрубит его кольчугу так, что тот целый год будет жаловаться матери, тогда король Дитрих велит Хильдебранду дружественно обратиться к Алебранду:

1. “Ich wil zu Land ausreiten”, /
sprach sich Meister Hildebrant,
“Der mir die Weg tet weisen /
gen Bern wol in die Land,
Die seind mir unkund gewesen /
vil manchen lieben Tag:
In zwei und dreißig jaren /
Fraw Utten ich nie gesach”.	1. “Я хочу уехать из этой страны, – /
сказал господин Хильдебранд, – //
Кто покажет мне дороги /
К Берну внутрь страны? //
Они мне стали незнакомы /
В те многие дорогие дни: //
Тридцать два года /
Я не видел госпожи Утты”.
2. “Wilt du zu Land ausreiten”, /
sprach sich Herzog Abelung,
“Was begegnet dir auf der Heiden? /
Ein schneller Degen jung.
Was begegnet dir auf der Marke? /
Der jung Herr Alebrant;
Ja, rittest du selbzwölfte, /
von im wurdest angerant”.	2. “Если ты хочешь уехать из страны, / –
Молвил герцог Абелунг, – //
Кто встретит тебя на пустоши? /
Гордый юный воин. //
Кто встретит тебя на границе? /
Юный господин Алебранд. //
Даже если ты поскачешь сам двенадцатый, /
Он наскочит на вас”.
3. “Ja, rennet er mich ane /
in seinem Ubermut,
Ich zerhaw im seinen grünen Schild, /
es tut im nimmer gut,
Ich zerhaw im sein Brinne /
mit einem Schirmenschlag,
Und daß er seiner Mutter /
ein ganz Jar zu klagen hat”.	3. “Если он на меня наскочит /
В своей боевой отваге, //
Я разможжу его зеленый щит, /
Ему несдобровать, //
Я разможжу его кольчугу /
Мощным ударом, //
Да так, что он своей матери /
Весь год будет жаловаться”.
4. “Das solt du nicht entun”, /
sprach sich Herr Dieterich,
“Wann der jung Herr Alebrant /
der ist mir von Herzen lieb;
Du solt im freundlich zusprechen /
wol durch den Willen mein,
Daß er dich wöl lassen reiten, /
als lieb als ich im mag sein”.	4. “Ты не должен этого делать, – /
Сказал господин Дитрих, – //
Ибо юный господин Алебранд /
Дорог моему сердцу. //
Ты должен говорить с ним дружественно, /
Такова моя воля, //
Чтобы он позволил тебе проехать, /
так как люб он мне”.

Встреча Хильдебранда и Алебранда происходит на заставе у Берна и начинается с традиционной перебранки. Алебранд спрашивает старика, что ему нужно в чужой стране, и дает ему оскорбительный совет отправиться домой и греться у очага. Хильдебранд достойно парирует словесный выпад молодого нахвальщика и говорит, что всю свою жизнь провел в походах и битвах. Тогда юноша переходит от оскорблений к угрозам. Он обещает вырвать у старика бороду и пролить его кровь, а затем требует, чтобы Хильдебранд сдался, если хочет сохранить жизнь. Хильдебранд вновь не медлит с ответом – он уповает на силу своего оружия и помощь Христа:

5. Do er zum Rosengarten ausreit /
wol in des Berners Marke,
Do kam er in große Arbeit /
von einem Helden starke,
Von einem Helden junge /
da ward er angerant:

“Nun sag an, du vil Alter, /
was suchst in meines Vatters Land?”

6. “Du fürst dein Harnisch
lauter und rain, /
recht wie du seist eins Königs Kind”,
“Du wilt mich jungen Helden /
mit gesehenden Augen machen blind;
Du soltest da heimen bleiben /
und haben gut Hausgemach
Ob einer heißen Glute”. /

Der Alte lachet und sprach:

7. “Sölt ich da heimen bleiben /
und haben gut Hausgemach?

Mir ist bei allen meinen Tagen /
zu raisen aufgesetzt,
Zu raisen und zu fechten /
bis auf mein Hinefart,
Das sag ich dir vil jungen, /
darumb grawet mir mein Bart”.

5. Когда он подъехал к розовому
саду / На заставе у Берна, //
Тогда выдалась ему большая
работа / От сильного героя, //
От юного героя, / там он на него
наскочил: // “Теперь скажи мне,
ты, глубокий старик, / Что ты
ищешь в стране моего отца?”

6. “Ты носишь оружие
великолепное и дорогое, /
Словно ты сын короля”, //
“Ты хочешь меня, молодого героя, //
Ослепить всевидящими глазами, //
Ты должен был остаться дома /
И нежиться у очага”. //

Рассмеялся старик и сказал:

7. “Я должен был остаться дома /
И нежиться у очага? //

Мне было привычно каждый день /
Пускаться в странствия, //
Странствовать и сражаться
до тех пор, /
Пока я не отправлялся в обратный
путь. // Вот что я скажу тебе,
очень юный, /
Оттого-то и поседела моя борода”.

8. “Dein Bart will ich dir ausraufen, /
das sag ich dir vil alten Man,
Daß dir dein rosenfarbes Plut /
uber dein Wangen muß abgan;
Ein Harnisch und dein grünen Schild /
must du mir hie aufgeben,
Darzü must mein Gefangner sein, /
wilt du behalten dein Leben”.

9. “Mein Harnisch und mein grüner
Schild, / die teten mich dick ernern,
Ich traw Christ vom Himel wol, /
ich wil mich dein erwerben”.
Sie ließen von den Worten, /
sie zugen zwei scharpfe Schwert,
Und was die zwen Helden begerten, /
des wurden die zwen gewert.

8. “Твою бороду я вырву, /
Вот что я скажу тебе, глубокий
старик, // Так что твоя кровь
розового цвета / Заструится
по твоим щекам; // Твое оружие и
твой зеленый щит / Тебе придется
мне отдать, // И стать моим
пленником, / Если ты хочешь
сохранить свою жизнь”.

9. “Мое оружие и мой зеленый
щит / Часто меня кормили. //
Я доверяюсь Христу на Небесах, /
Я смогу защититься от тебя”. //
Они оставили слова /
И достали два острых меча, //
И то, чего хотели эти двое героев, /
Было им обоим дано.

Перебранка в “Младшей Песни о Хильдебранде”, как и словесные поединки в русской былине и в “Песни о Хильдебранде”, во всем соответствуют стилистическим канонам словесных поединков. Здесь используются и прямые обращения (“Что ты ищешь?”), и формульные повторы (“Вот что я скажу тебе, очень юный” – “Вот что я скажу тебе, глубокий старик”), и ответы, зеркально отражающие утверждения (“Ты должен был остаться дома” – “Я должен был остаться дома?”), и подхват (“Оттого-то и поседела моя борода” – “Твою бороду я вырву”), и параллелизмы (“Твое оружие и твой зеленый щит / Тебе придется мне отдать” – “Мое оружие и мой зеленый щит, / Часто меня кормили”), и эмфатическое противопоставление местоимений “я”–“ты” (“Вот что я скажу тебе”, “Я смогу защититься от тебя”). Последнее слово в словесном поединке остается за отцом, что предвещает его победу и в реальном поединке.

От угроз и оскорблений противники в соответствии с германскими обычаями переходят к оружию. Поединок в немецкой песне, как и в русской былине, начинается с временного поражения отца и победы сына. Хильдебранд предполагает, что лучшему боевому приему юноша научился у женщины. Алебранд отвеча-

ет на обвинение похвальбой, апеллируя к своему богатству и знатности. Однако Хильдебранд обезоруживает молодого витязя и, бросив его на траву, дважды, почти как Илья в былинах, требует у него ответа на вопрос о его происхождении:

10. Ich weiß nit, wie der Junge /
dem Alten gab einen Schlag,
Daß sich der alte Hildebrant /
von Herzen sere erschreck.
Er sprang hinter sich zu rucke /
wol sibem Klawer weit:
“Nun sag an, du vil Junger, /
den Streich lernet dich ein Weib!”

10. Я не знаю, как юноша /
Старцу нанес удар, //
Так что старого Хильдебранда /
до сердца страх пронзил, //
Он отпрыгнул назад /
На семь поприщ в ширину: //
“Теперь скажи мне, ты, очень
юный, / Этому удару тебя научила
женщина!”

11. “Sölt ich von Weibern lernen, /
das wer mir immer ein Schand,
Ich hab vil Ritter und Knechte /
in meines Vatters Land,
Ich hab vil Ritter und Grafen /
an meines Vatters Hof,
Und was ich nit gelernet hab, /
das lerne ich aber noch”.

11. “Если бы я выучился
у женщины, / То мне это было
бы навсегда в поношение, //
У меня много рыцарей и слуг /
В стране моего отца, // У меня
много рыцарей и знатных людей /
При дворе моего отца, //
И тому, чему я еще не выучился, /
Я выучусь потом”.

12. Er erwüsch in bei der Mitte, /
da er an dem schwächsten was,
Er schwang in hinder sich zu rucke /
wol in das grüne Gras:
“Nun sag mir, du vil Junger, /
dein Beichtvater wil ich wesen:
Bist du ein junger Wölfinger, /
von mir magst du genesen.

12. Он обхватил его за талию, /
где тот был слабее всего, //
Он швырнул его назад на спину /
Прямо в зеленую траву: //
“Теперь скажи мне, ты очень
юный, / Твоим исповедником
я буду, // Если ты молодой
Вольфингер, / от меня ты
получишь покой.

13. Wer sich an alte Kessel reibt, /
der empfahet gern Rame,
Also geschieht dir, vil Jungen, /
wol von mir alten Manne;
Dein Beicht solt du hie aufgeben /
auf diser Heiden grün,
Das sag ich dir vil eben, /
du junger Helde kün”.

13. Тот, кто трется о старый
котел, / Сильно пачкается сажей. //
То же случится и с тобой,
очень юный, / Из-за меня, старого
человека. // Тебе придется принести
свою исповедь / На этой зеленой
траве, // Это я тебе говорю, /
Ты, молодой отважный герой”.

В приведенных строках отец сам подсказывает юноше ответ, называя свое родовое имя Вольфингер (Wölfinger), и спрашивает, не это ли имя носит и юноша. Однако прежде чем назвать имя своей матери Утты и имя своего отца, Алебранд в последний раз отдает дань традициям перебранки – он упрекает отца в том, что тот “слишком много говорит о волках”, перетолковывая его слова в “этимологическом” смысле (Wölfinger – происходящий “от волков” – von Wölfen).

Поняв, что перед ним его сын, Хильдебранд, подобно Илье Муромцу в северо-восточных вариантах былин, радуется и целует юношу. В отличие от былин, где сын остается врагом своему отцу и пытается погубить его, Алебранд в немецкой песни раскаивается в том, что нанес отцу раны. Отец успокаивает его и отправляется вместе с ним к своей жене в Берн. Хильдебранд не сразу признается жене, поэтому она не может скрыть удивления при виде того, с каким почтением ее сын относится к своему пленнику. Тем большую радость для нее приносит признание:

14. “Du sagst mir vil von Wölfen, /
die laufen in dem Holz:
Ich bin ein edler Degen /
aus Krichenlanden stolz,
Mein Mutter die heißt Fraw Utte, /
ein gewaltige Herzogin,
So ist der Hildebrant der alte /
der liebste Vater mein”.

15. “Heißt dein Muter Fraw Utte, /
ein gewaltige Herzogin,
So bin ich Hildebrant der alte, /
der liebste Vatter dein”.

Er schloß ihm auf sein gulden
Helm / und kust in an seinen Mund:
“Nun müß es Gott gelobet sein, /
wir seind noch beid gesund”.

16. “Ach Vater, liebster Vater, /
die Wunden, die ich dir hab
geschlagen,
Die wolt ich dreimal lieber /
in meinem Haubte tragen”.

14. “Ты много говоришь мне о
волках, / Которые бегают в лесу://
Я знатный воин, /
Гордый из Греции. //
Мою мать зовут госпожа Утта, /
Могущественная герцогиня, //
Так и Хильдебранд старый, /
Мой любимый отец”.

15. “Если зовут твою мать Уттой, /
Могущественной герцогиней, //
То я старый Хильдебранд, /
Твой любимый отец”. //
Он расстегнул свой золотой шлем /
И поцеловал его в уста: //
“Теперь восславим Господа, /
Мы оба все еще здоровы”.

16. “Ах, отец, любимейший отец, /
Я бы хотел, чтобы в три раза
больше // Тех ран, которые
я тебе нанес, / оказалось
на моей голове”. //

“Nun schweig, du lieber Sune: /
der Wunden wirt gut Rat,
Seid daß uns Got all beide /
zusammen gefüget hat”.

17. Das weret von der None /
biß zu der Vesperzeit,
Biß daß der jung Her Alebrant /
gen Bern einhin reit.
Was fürt er an seinem Helme? /
Von Gold ein Krenzelein.
Was fürt er an der Seiten? /
Den liebsten Vater sein.

18. Er fürt in mit im in seinen Sal /
und satz in oben an den Tisch,
Er pot im Essen und Trinken, /
das daucht sein Mutter unbillich.
“Ach Sune, lieber Sune, /
ist der Eren nicht zu vil,
Daß du mir ein gefangen Man /
setzt oben an den Tisch?”

19. “Nun schweige, liebe Mutter, /
ich will dir neue Meer sagen:
Er kam mir auf der Heide /
und het mich nahent erschlagen;
Und höre, liebe Mutter, /
kein Gefangner sol er sein:
Es ist Hildebrant der alte, /
der liebste Vater mein”.

20. “Ach Mutter, liebe Mutter
mein, / nun beut im Zucht und Eer!”
Do hub sie auf und schenket ein /
und trug ims selber her;
Was het er in seinem Munde? /
Von Gold ein Fingerlein,
Das ließ er inn Becher sinken /
der liebsten Frawen sein.

“Теперь умолкни, ты, дорогой сын, /
С ранами все будет хорошо, //
Раз Бог нас обоих /
Привел соединиться”.

17. На то понадобилось с девятого
часа / До вечерней службы, //
Чтобы юный господин Алебранд /
В Берн приехал. //
Что было у него на шлеме? /
Из золота корона. //
Что было сбоку от него? /
Его любимейший отец.

18. Он ввел его в палаты /
И усадил во главе стола, //
Он подал ему еду и питье, / Это
показалось странным его матери. //
“Ах, сын, любимый сын, /
Не слишком ли большая честь, //
Что ты пленника /
Усаживаешь во главе стола?”

19. “Теперь умолкни, любимая
мать, / Я скажу тебе новость, //
Он наехал на меня на пустоши /
И едва меня не убил, //
И послушай, любимая мать, /
Он не должен быть пленником, //
Он Хильдебранд Старый, /
Любимейший мой отец”.

20. “Ах, мать, моя любимая мать, /
Теперь окажем ему привет
и честь!” // Тогда она взглянула
и разрыдалась, / И привлекла его
к себе; // Что держал он во рту? /
Золотое колечко, //
Которое он уронил в кубок /
Своей любимейшей жены.

Может показаться, что окончание “Младшей Песни о Хильдебранде” находится вне аналогий с русскими былинами. Вспом-

ним, однако, что и среди былин об Илье Муромце и Сокольнике тоже есть несколько вариантов, где отец не убивает сына, но они вдвоем отправляются к матери.

Как и в архаичных вариантах этого сюжета, отраженных в “Младшей Песни о Хильдебранде”, поединок заканчивается победой отца и его примирением с сыном, и в скандинавской “Саге о Тидреке”, где сын, который носит то же имя, что и в “Младшей Песни о Хильдебранде” (Алибранд/Алебранд), везет отца к его покинутой жене.

В “Саге о Тидреке” сюжет битвы отца с сыном, как и в большинстве германских памятников, приурочен к возвращению короля Тидрека в Берн в сопровождении Хильдибранда и других рыцарей (гл. 406-408). Подъезжая к замку ярла Хлодвера и его сына Конрада, Хильдибранд встречает в лесу человека из замка и, не называя своего имени, хочет узнать, кто правит Берном. Житель замка отвечает ему, что правитель Берна зовется Алибрандом, сыном старого Хильдибранда. Услышав эту новость, Хильдибранд смеется и спрашивает, хороший ли Алибранд воин и что он за человек. Житель замка дает сыну Хильдибранда самую высокую оценку: “Алибранд – величайший из всех воинов, и он превосходит всех людей щедростью и вежливостью. Он суров и отважен с врагами, и он не хочет, чтобы его сравнивали ни с кем”⁴¹ (гл. 403). После этого Хильдибранд открывает свое имя Конраду, сыну хозяина замка, именуя себя “господином Ильвингов” (гл. 404).

За приведенным рассказом в саге следует введение, предвещающее сцену битвы отца с сыном. Роль введения выполняет в “Саге о Тидреке” диалог Хильдибранда с Конрадом, призывающего его вести себя с Алибрандом вежливо и грозящего ему смертью, если он не последует этому совету (гл. 406). Диалог отца со своим союзником, который пытается предостеречь его и описывает мощь сына, предвещает и сцену битвы Ильи Муромца с Сокольником в северо-восточных былинах. Сравним сцену поединка отца с сыном в былинах и в “Саге о Тидреке”, по возможности проводя параллели с тем, как изображаются соответствующие сцены в древневерхненемецкой “Песни о Хильдебранде” и в “Младшей Песни о Хильдебранде”.

1. Предыстория – ретардация (нагнетание деталей = запугивание отца)

“Поворачивал нахвальщина добра коня, / Попущал на Добрыню Никитича. Сыра мать-земля всколебалася, / Из озер вода выливалася, / Под Добрыней конь на коленца пал” (С. 180). Говорил тут Добрыня таково слово:
 “Уж там ездит в поли молодец, не моя чета, / Не моя чета, не моя ровня / <...> / Он ведь едет к нам на славен крашен Киев-град / Он и хочет нас, богатырей, повысмотреть, / Он на сабельку богатырей нас повырубить <...> Тебя, старого казака, конем стоптать” (С. 189).
 “Уж у старой собаки да голову срублю” (Т. 1. N 68).
 “Уж я сколько по чисту полю не ежживал, – / Уж я эдакого богатыря не видывал” (С. 194).

Диалог Хильдибранда с Конрадом. Конрад: “Если ты встретишь своего сына Алибранда, говори с ним вежливо и скажи ему, что ты его отец. Если ты этого не сделаешь, то встретишь смерть”. Описание Алибранда. В ответ на вопрос Хильдибранда, как он узнает Алибранда, Конрад говорит Хильдибранду: “У него белый конь и золотые гвозди в подковах. Его щит белый, как мука, и на нем запечатлен замок. Алибранду нет равных, а ты сейчас стар и не сможешь дать ему отпор”. Хильдибранд рассмеялся и сказал: “Хотя Алибранд, мой сын, думает, что он великий воин, и держит себя так гордо, что не сравнится ни с кем другим, все же как бы я ни был стар, может случиться, что он не скажет мне свое имя прежде, чем я назову ему свое” (гл. 406).

Предыстория присутствует и в других памятниках, повествующих о битве отца с сыном, за исключением фрагмента древневерхненемецкой “Песни о Хильдебранде”. Так, в “Младшей Песни о Хильдебранде”, например, герцог Абельунг предупреждает Хильдебранда о том, что на границе его встретит юный Алебранд, который наскочит на него, даже если он отправится с отрядом из 11-ти рыцарей. В той же песни Дитрих просит Хильдебранда дружественно обойтись с Алебрандом, мотивируя свою просьбу сердечной склонностью к юному рыцарю.

По сравнению с “Младшей Песнью о Хильдебранде” в “Саге о Тидреке” и в северо-восточных былинах нагнетанию зловещих деталей и запугиванию отца уделяется большее внимание. В “Са-

ге о Тидреке” Конрад просит Хильдибранда вежливо обойтись с Алибрандом, однако прибегает к более существенным аргументам, чем те, которые упоминались в “Младшей Песни о Хильдебранде” – Конрад грозит Хильдибранду смертью от руки его сына. В былинах Добрыня тоже говорит, что Сокольник хочет “повырубить” богатырей, а “старого казака” Илью Муромца “конем стоптать”. Описывая великолепное одеяние Алибранда, Конрад утверждает, что ему нет равных и напоминает Хильдибранду о его собственной старости и немощи. Житель замка Хлодвера тоже характеризует Алибранда как “величайшего из всех воинов” и сообщает Хильдибранду о том, что его сын “суров и отважен с врагами и не хочет, чтобы его сравнивали ни с кем” (гл. 403). Однако и в былинах Добрыня тоже говорит о той участи, которая уготована старому казаку Илье, и о том, что нахвальщине нет равных (“...сколько по чисту полю не ежживал, – / Уж я эдакого богатыря не видывал”).

Так, в предыстории можно заметить общие детали, присутствующие и в былинах, и в “Саге и Тидреке”: союзник предупреждает отца о том, что ему грозит смерть от руки юного воина, который описывается как противник, превосходящий отца силой; возраст отца и сына противопоставляются; говорится о том, что юному герою нет равных.

2. Описание противника – упоминание о соколе

“То ли летит ясен сокол, / то ли едет там удалой доброй молодец, / Едет видно собака потешается, / Впереди его, собаки, да бежит серый волк, / позади его, собаки, да звери всякие, / на правом-то плече сидит ясен сокол, / на левом-то плече дак сидит бел кречет” (С. 202).
 “Как поедешь во славное Чернигово, / Как во далечо-далечо да во чисто поле – / Стретитсе тебе удалой молодец: / А конь где белой, да наубел весь бел, / А хвосте, грива да научерн-черна” (Т. 2. N 84).

Навстречу ему (Хильдибранду) скакал человек с двумя собаками, на левой руке у него был сокол. Этот человек возвышался в седле и благородно сидел на своем коне. Конь у него был белым, и сбруя была белая с изображением Берна с золотыми башнями (гл. 407).

Описание противников отсутствует во всех вариантах германских памятников о битве кровных родичей, кроме “Саги о Тидреке”. В старшей “Песни о Хильдебранде” упоминается только об оружии и одежде: “По кольчуге сверкающей вижу: / Одеянье богато твое, / Знать, хорошего князя ты воин, / И изгнанником вряд ли слывешь”, 36-47 (ср. в “Младшей Песни о Хильдебранде”: “Ты носишь оружие великолепное и дорогое, / Словно ты сын короля”, 6). Напротив, в “Саге о Тидреке” дается описание выезда сына, которое не только используется как дополнительное средство, нагнетающее опасность поединка, но и содержит поразительные черты сходства с былинами об Илье Муромце и Сокольнике. В обоих памятниках говорится, что сын скачет на белом коне, в обоих – его сопровождают собаки, и в обоих он оказывается “сокольников” – на руке его (в былине – на правой, в саге – на левой) сидит сокол⁴².

3. Вопрос об имени – оскорбление – вопрос

Повалив Сокольника и насеив на него, Илья спрашивает его о роде и племени: “Скажи, молодец, как тебя именем зовут”. Сын отвечает: “Вот кабы я у тебя сидел на грудях, / Не стал бы тебя долго спрашивать, / А спорол бы тебе, старому, белые груди”. Илья: “Ты ведь чей же земли да чьего города, / ты чьего же отца ездил, да чьей матушки?”. Сокольник: “Кабы сидел-то я у тебя да на белых грудях, / Не спросил бы я у тебя не роду, не племени, / не спросил бы не города, отца-матушки, – а колол бы твои-то все белы груди, / посмотрел бы твое-то ретиво сердцо”.

Алибранд сказал: “Кто этот старик, что стоит передо мной? Скажи мне быстрее свое имя и отдай мне твое оружие, тогда ты можешь сохранить свою жизнь, а если не скажешь, плохо тебе будет”. Хильдибранд ответил: “Если ты хочешь знать мое имя, тебе придется сказать мне свое имя первым, а потом тебе придется отдать мне свой меч и свое оружие, прежде чем мы закончим. И если ты не сделаешь этого добровольно, тогда тебе придется сделать по принуждению”. Алибранд: “Если ты скажешь мне свое имя или отдашь оружие, тогда ты сохранишь жизнь, но если ты этого не сделаешь, то будешь убит”.

Говорит-то ему Илья во второй након: “Уж ты чьей же земли, да чьего города, / ты какого отца, какой матушки?” Илья: “А скажи ты, молодец, как ты именем зовут, / тебя величают из отечества?” “Ты скажи-ко, удалой доброй молодец, / Ты какого отца да какой матери”. Говорит-то ему да во третьей након: / “Уж ты чьей же земли, да чьего города, / ты какого отца, какой матушки?”

Хильдибранд: “Ты не хотел сказать мне свое имя, когда мы встретились, и это не бесчестье, но теперь тебе придется сказать мне его, и если ты не победишь”. Хильдибранд: “Если ты из рода Ильвингов, то скажи мне, и я дарю тебе пощаду, но если это не так, тогда я убью тебя”. Алибранд: “Если ты хочешь сохранить жизнь, то сдавайся, ибо я принадлежу к роду Ильвингов не более, чем ты, и ты, конечно же, дурак, хоть и очень старый. Скажи мне скорее свое имя. Если бы ты знал, кто я, тогда ты не называл бы моего отца Ильвингом” (гл. 408).

Следующая часть былины и той части “Саги о Тидреке”, где рассказывается о встрече отца с сыном, посвящена словесному поединку перед боем. Эта сцена присутствует во всех вариантах памятников и составляет большую часть дошедшего до нас фрагмента “Песни о Хильдебранде”. Представление героев и вопросы об имени содержат все произведения, но только в старшей “Песни о Хильдебранде” есть и ответ сына, и его рассказ об отце. Во всех остальных вариантах сюжета сын отказывается отвечать на вопросы отца.

Если в старшей “Песни о Хильдебранде” и в русских былинах вопрос об имени задает отец, то в “Младшей Песни о Хильдебранде” и в “Саге о Тидреке” вопросы задает сын, однако в первой его интересует не столько имя отца, сколько цель его приезда, что в сущности эквивалентно вопросу об имени. Старшая “Песнь о Хильдебранде” позволяет понять, что первым вести речь подобает именно отцу, ибо он “старше годами и опытом мудр, / юношу он вопрошал”. Очевидно поэтому в “Младшей Песни о Хильдебранде” и в “Саге о Тидреке” сын наносит отцу оскорбление уже тем, что первым обращается к нему, а значит, вызывает его на словесный поединок. Неудивительно, что в обоих памятниках отец не только отказывается отвечать на вопрос

сына, но и прибегает к угрозам (в саге) или к насмешкам (в “Младшей Песни о Хильдебранде”).

В былинах и в “Саге о Тидреке” каноны словесного поединка соблюдены лишь формально – второй раунд (вопрос–ответ) немного добавляет к первому: повторные реплики поединщиков почти совпадают по смыслу с первыми, лишь незначительно их варьируя. Так же, как и Илья в былинах, каждый оппонент настоятельно требует от противника назвать имя. Третий раунд в саге функционально идентичен третьему вопросу Ильи – оппоненты в саге хотят узнать не только имя, но и к какому роду принадлежит противник (ср. в былинах: “какого ты отца?”, “как тебя величают из отечества?”; в саге: “Если бы ты знал, кто я, тогда ты не называл бы моего отца Ильвингом”). Дополнительная черта сходства в описаниях словесных поединков в саге и в былинах состоит в том, что к оскорблениям прибегает только сын, но не отец: в саге Алибранд говорит: “и ты, конечно же, дурак, хоть и очень старый”; в былинах: “спорол бы тебе, старому, белые груди”.

Словесный поединок сменяется настоящим во всех памятниках – отец и сын вступают в единоборство.

4. Предательский удар сына

“Спит старой да крепко-накрепко. / Схватил Сокольник *копье* вострое, / Ткнул старому во белые груди. / По великому старому по счастью / Попало старому в чуден крест”.

“Тогда забежал Сокол во бел шатер / ...со своим *ножом* со булатным / Он ткнул стара казака во белые груди. / У старому-то казака был чудный крест, / Во крест нож-то ударился”.

“Натягивает он (Сокольник) свой тугой *лук*, / Кладет туда калену стрелу... / И пала (стрела) Ильи во белые груди, / А пала ему в крест серебряный”.

Старик подошел к нему ближе и нанес ему мощные удары. Теперь Хильдбранд нанес ему удар в бедро, так что рассек кольчугу, и Алибранд получил огромную рану, такую, что нога его стала бесполезной.

Он сказал: “Вот мой *меч*. Сейчас я не могу больше стоять перед тобой. Твой враг у тебя в руках”.

Он протянул свою руку.

Старик повернул свой щит и протянул руку к мечу. Тогда Алибранд исподтишка ударил старика и попытался отсечь ему руку. Но старик быстро закрылся щитом и сказал: “Ты узнал этот удар от женщины, а не от своего отца” (гл. 408).

Мотив предательского удара сына не встречается ни в одном германском памятнике, кроме “Саги о Тидреке”. Особенно важную сюжетную роль этот мотив играет и в былинах – после предательского удара сына отец меняет к нему свое отношение, и в большинстве вариантов безжалостно убивает его. Своеобразное предвосхищение этого мотива можно заметить уже в старшей “Песни о Хильдебранде”. Однако если в былинах и в саге жертвой предательства становится отец, то в “Песни о Хильдебранде”, напротив, подозрительность выказывает сын, – Хадубранд ожидает подвоха от отца, считая, что Хильдбранд дарит ему кольцо, чтобы ловчее убить его в тот момент, когда он спешит за подарком. В “Саге о Тидреке” отец предполагает, что предательскому удару исподтишка сына научила женщина. В “Младшей Песни о Хильдебранде” тоже упоминается об ударе, который так испугал отца, что тот отпрыгнул, а затем воскликнул, что этому удару Алебранда научила женщина, однако здесь роль женщины остается непонятной и потому немотивированной. Можно лишь догадываться, что этой женщиной могла быть покинутая мать героя, желающая отомстить отцу⁴³. И вновь следует напомнить, что о матери героя наиболее подробные сведения сохранили былины, рассказывающие об обстоятельствах встречи родителей юного героя и его рождении⁴⁴. Только в былинах содержится мотив мести сына матери после победы отца⁴⁵.

5. Победа отца (отец садится на грудь поверженного врага) – последний вопрос отца об имени – признание сына

Он бросал-то Сокольника на сыру землю, / Он садился ему да на белые груди: “Да какого рода, какой племени, / Но как же тебя зовут по имени?”

Говорит-то дородней доброй молодец: / “...Уж я сын-то Маринки всё Кайдаловки... А меня она послала всё на святую Русь, / ...Отыскать тебя, старому, седатого... Называть тебя велела всё родным батюшком”.

Старик напал так быстро, что юноша упал на землю, и старик вскочил на него и приставил меч к его груди, сказал:

“Скажи мне быстро твое имя и твой род, или ты лишишься жизни”. Юноша сказал: “если ты Хильдбранд, мой отец, то я Алибранд, твой сын” (гл. 408).

Битва отца с сыном неизменно заканчивается победой отца, последним вопросом об имени и признании сына, однако лишь в былинах и в “Саге о Тидреке” окончание поединка отца и сына описывается сходным образом. Юноша падает на землю, отец вскакивает ему на грудь и задает свой последний вопрос. Юный герой понимает, что поплатится жизнью, если будет продолжать скрывать свое родство, и потому называет имя отца или матери. Тем самым трагическая развязка поединка в “Саге о Тидреке” исключается (отец и сын становятся союзниками в борьбе против общего врага), в былинах же она обычно лишь откладывается в предвосхищении нового столкновения между отцом и сыном, на сей раз фатального.

6. Реакция отца на признание сына и поездка к матери

А соскакиват старой да со черных грудей, /
А хвагал его, молодца, за белы руки, /
Целовал его он в уста сахарные...
Тогда старой соскакивал с белых грудей, /
Брал доброго молодца за белы руки, /
Поднимал с сырой земли...
Встал тут Илья со белых грудей, / Взял он его
за белые руки, / Встали они на резвые ноги
(поцеловались)...
Тогда стал Илья со черных грудей, / И берет его
за белые руки, / Целовал его в уста сахарные:
“Уж ты ой еси, мое чадо милое!”
Да и едет Сокольник ко свою двору, / Ко свою
двору, к высокому терему, / Да встретит его матушка
родимая. / “Уж ты чадо ли, чадо мо милое, / уж
дитя ты мое, дитя сердечное! / Уж што же ты нын
едешь да не по-старому? / Да и конь-то бежит
не по-прежнему? / Повеся ты держишь да буйну
голову, / Потопя ты держишь да очи ясные”.
И тут падал Сокольник Илья Муромцу, / Он
падал Илья Муромцу во праву ногу: / “Уж ты
прости меня, тятенька, виноватого: / Нагонула
мне-ка маменька – да не сказала же! / И тут са-
дились они да на добрых коней / И поехали да во
свою землю, / Во свою землю – да как ко Киеву, /
И ко той же вдовы да ко Златыгодки (Т. 2. N 85).

Хильдибранд быстро
вскочил с него, и
Алибранд взял своего
отца и поцеловал его
и посмотрел на него.
Теперь Хильдибранд
стал очень счастлив
из-за своего сына, и с
Алибрандом случилось
то же из-за отца.
Они вскочили на
своих коней и поехали
назад в замок.

Они поехали вечером
к матери Алибранда.
Она вышла встретить
их и увидела своего
сына в крови
и раненого.
Она заплакала
и сказала: “мой милый
сын, кто нанес тебе
такую рану?”
(гл. 409).

Реакция отца на признание сына почти тождественна в былинах, в “Саге о Тидреке” и в “Младшей Песни о Хильдебранде”: отец радуется, поднимает поверженного сына и целует его. Детальность описания в этих памятниках различна. В саге, в соответствии с канонами сагового стиля, эта сцена описана наиболее лаконично, в былинах и в “Младшей Песни о Хильдебранде” добавляются детали, такие как эмоциональные восклицания отца (в былинах), запоздалые сожаления сына о нанесенных отцу ранах (в “Младшей Песни о Хильдебранде”).

В “Младшей Песни о Хильдебранде” и “Саге и Тидреке” отец и сын вместе отправляются к матери. В былинах Сокольник обычно едет к матери один, и она тоже, как и в “Саге о Тидреке”, встречает его, сочувствуя его поражению. “Младшая Песнь о Хильдебранде” отличается от былин и саги тем, что в ней вводится мотив, скорее всего, поздний, временного притворства отца с сыном, скрывающих от матери поражение сына.

Итак, для былин об Илье Муромце и Сокольнике и “Саги о Тидреке”, отражающей германское сказание о битве отца с сыном, характерны не только присутствие общих образов и мотивов (таких как покинутая жена, богатырская застава, перебранка, временная победа сына), но и сходство в деталях: союзник грозит отцу смертью от руки сына; возраст отца и сына противопоставляются; сын изображается как не имеющий равных; на руке сына сидит сокол; его сопровождают собаки; он едет на белом коне; отец не ищет примирения с сыном, но вступает с ним в бой; сын же, пощаженный отцом, наносит ему предательский удар. Вербальные параллели и совпадения в деталях здесь слишком множественны, чтобы быть случайными. Мирному окончанию поединка с сыном в “Саге о Тидреке” тоже находятся параллели в некоторых печорских и мезенских вариантах былин, где отец не убивает сына, а примиряется с ним⁴⁶. Очевидно, примирение отца с сыном, а тем более с матерью, следует отнести к поздним мотивам, признав трагическое окончание поединка приметой более архаичного варианта.

Для объяснения сходства былин с “Сагой о Тидреке” вспомним о происхождении последней. Предполагается, что первоначальный вариант обширной компиляции эпических сказаний о

Дитрихе Бернском был создан в Германии около 1190 г. и переведен в Норвегии в первой половине XIII в.⁴⁷ В прологе саги дается однозначное указание на ее устные германские источники: немецкие сказания, рассказы немецких людей и древние песни: “Эта сага составлена из рассказов немецких мужей, часть ее восходит к их песням, которые были сочинены, чтобы развлечь великих людей, и были сочинены очень давно, вскоре после событий, о которых здесь рассказывается”⁴⁸. Среди них могло быть и сказание о битве отца с сыном, которое излагается в нескольких главах саги (241-244), предположительно основанных на эпических песнях. Создателю “Саги о Тидреке” было известно и имя Илиас, которое он связывал с Вальдимаром, конунгом Руси; таким образом, и этот частный пример говорит о том, что в Средние века границы между Русью и германским миром отнюдь не были непроницаемы⁴⁹. У Саксона Грамматика битва кровных родичей происходит на Руси, куда герой саги отправляется защищать рутениев (славян)⁵⁰. Уместно вспомнить, что в отличие от всех вариантов этого сюжета в русских былинах он не единичен. Помимо былин об Илье и Сокольнике, известных в самых разнообразных вариантах, встреча отца с сыном описывается в былинах о Сауре Леванидовиче⁵¹.

Чтобы объяснить сходство между былинами и “Сагой о Тидрике”, едва ли достаточно сослаться только на типологию. Очевидно, структурное и содержательное единообразие эпоса народов мира не всегда имеет чисто типологическое объяснение⁵². Хотя обычно “героический эпос, относящийся – с точки зрения самой традиции – к числу повествований “достоверных”, редко является предметом культурного заимствования”, а распространенность “бродячих сюжетов”, таких как “битва отца с сыном”, является результатом культурной диффузии⁵³, тем не менее пример “Саги о Тидреке” и былин об Илье Муромце и его сыне следует отнести к числу немногих исключений. Можно представить себе, что в отдельных случаях типологическое сходство сюжетов могло осложняться и генетическим родством. Иначе говоря, для обоих памятников нельзя исключать существование единого источника.

- 1 В одном из вариантов былины (сказителей Рябинных), записанном А.Ф. Гильфердингом, богатырь, с которым бьется Илья, – его дочь, богатырша (или поляница) (см.: Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 207–217). С поляницами или “поляничими удалыми” встречается в бою и Добрыня Никитич (поляница Настасья Микулична становится его женой), и Дунай Иванович, который женится на полянице Настасье, а потом убивает ее, и сам Илья Муромец (именно поляница оказывается в большинстве былин матерью сына Ильи).
- 2 Предполагается, что те единичные былины, в которых соперник Ильи не связан с ним кровным родством, отражают не позднюю переработку сюжета о битве отца с сыном, но параллельно развивающийся вариант (см. коммент. А.М. Астаховой к былинам об Илье Муромце и чужеземном богатыре-нахвальщике: Илья Муромец. С. 474).
- 3 О характерных чертах двух типов былин см.: Там же. С. 475.
- 4 Былины Мезени // Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. СПб.; М., 2003. Т. 3. N 42.
- 5 Там же. N 78, 87.
- 6 Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С. 242–243.
- 7 Предполагалось [Марков А.В. Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В.Ф. Миллера. М., 1901; Соколов Б.М. Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918], что имя матери Сокольника восходит к древнему названию латышского племени Латыгора. Возможно также, что имя женщины-богатырши напоминает о Святогоре и обозначает жительницу горной страны.
- 8 Былины Печоры // Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. СПб.; М., 2001. Т. 1. С. 378 (ср. также: С. 381, 432, N. 71, 72, 86).
- 9 Там же. С. 355–375, 381–400, 402–431, 433–462. N. 67–70, 73–76, 79–85, 87–91.
- 10 Там же. С. 364.
- 11 Насколько известно, первым, кто соотнес былинку об Илье Муромце и Сокольнике с универсально распространенным сюжетом битвы отца с сыном и показал ее близость к германскому эпосу, был Ф.И. Буслаев (Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 242–244). Не раз возвращался к этому сюжету и А.Н. Веселовский. Так, сравнивая былинку и германские варианты того же сюжета, он реконструировал “первооснову” былины (Веселовский А.Н. Новые исследования в области русской народной поэзии. Статья вторая. Немецкий труд о русских былинах // А.Н. Веселовский. Работы о фольклоре на немецком языке. 1873–1894. М., 2004. С. 309–331), а также объяснял сюжетное сходство различных памятников тем, что они отражают как “реальные факты” “эпохи грандиозных смешений и переселений, разлучивших родичей на далекие пространства” (Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 69), так и матриархальные отношения, когда “отец принадлежал другому роду, чем сын” (Там же. С. 546). Дополнительные параллели этому сюжету были приведены В.М. Жирмунским, опровергшим гипотезы и общего происхождения, и мигра-

- ции сюжета, однако не исключавшим возможности заимствования в русской былине и в немецкой песне о Хильдебранде (см.: *Жирмунский В.М.* Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // *В.М. Жирмунский. Сравнительное литературоведение.* Л., 1979. С. 29).
- 12 *Potter M.A.* Sohrab and Rustem. L., 1902; *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 29.
- 13 *Фирдоуси.* Рустам и Сухраб / Пер. В. Державина // *Фирдоуси. Шах-Наме / Подгот. текста Н. Османова.* М., 1972. С. 139.
- 14 *Фирдоуси.* Рустам и Сухраб. С. 140.
- 15 Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А.М. Астаховой. С. 184.
- 16 *Фирдоуси.* Рустам и Сухраб. С. 204.
- 17 В нартском эпосе сюжет битвы отца с сыном переосмыслен как битва дяди и племянника. Юноша здесь тоже сначала побеждает, но затем погибает от руки старшего сородича. Юный племянник обращает в бегство нарта Сосрыко, однако нарт спасает свою жизнь, прибегнув к обману. Он делает вид, что единоборство происходит в праздничный день, когда кровопролития запрещены. Во время второго поединка Сосрыко побеждает хитростью – он пугает коня своего противника. Упав на землю, юноша напоминает Сосрыко о его обещании уступить, но нарт отрубает племяннику голову. Предполагалось, что соперничество дяди и племянника, восходящее к матрилокальному браку, типологически предшествует соперничеству отца и сына, восходящему к патрилокальному браку. Об антагонизме, присущем отношениям дяди и племянника в архаических памятниках, и роли дяди по матери в инициационных испытаниях см.: *Мелетинский Е.М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // *Мировое древо.* 1993. № 2. С. 24.
- 18 *Фирдоуси.* Рустам и Сухраб. С. 221.
- 19 *Vries Jan de.* Das Motiv des Vater-Sohn-Kampfes im Hildebrandslied // *Germanisch-romanische Monatsschrift.* 1953. Bd. 3. S. 257–274.
- 20 *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 29.
- 21 *Неклюдов С.Ю.* Почему сказки одинаковые // *Живая старина.* 2004. № 1. С. 7–10.
- 22 *Potter M.A.* Op. cit. P. 112–113. См. также синопсис диссертации С.А. Авижанской “Бой отца с сыном в русском эпосе” (*Вестник ЛГУ.* 1947. № 3. С. 142–144).
- 23 *Potter M.A.* Op. cit. P. 112–113; Авижанская С.А. Указ. соч. С. 142–145; *Протт В.* Русский героический эпос. М., 2006. С. 269.
- 24 *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 242–245; *Веселовский А.Н.* Новые исследования в области русской народной поэзии. С. 309–331; *Протт В.* Указ. соч. С. 268–271; *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 29.
- 25 В германских эпических сказаниях возвращение Дитриха Бернского (Берн – средневековое немецкое название Вероны, одного из центров остготского владычества в Италии) в свою наследственную вотчину изображает завоевание Теодорихом Италии. Остготский король Теодорих Великий, который царствовал в Италии в 493–526 гг., победил Одоакра, вождя германского племени герулов, объявил себя королем Италии после падения Римской империи

- (476). Эпос изменяет исторические отношения Одоакра и Теодориха: Одоакр выступает как злодей, вынудивший Теодориха удалиться в изгнание и служить королю гуннов Аттиле. В действительности же при дворе Аттилы служил отец Теодориха Тиодомир, а сам Теодорих, родившийся спустя год после смерти Аттилы, был заложником при дворе византийского императора Льва I.
- 26 Исторический прототип Хильдебранда видели в Гензимунду, воспитателе и опекуне трех королевичей из остготской династии Амалов: Тиодемира, отца Теодориха, и его двух братьев. По словам Кассиодора (480–565), секретаря Теодориха, имя воспитателя Гензимунду осталось жить в памяти готов и его прославляли в песнях.
- 27 Фрагмент “Песни о Хильдебранде” случайно уцелел на первом и последнем листах в Кассельской рукописи (вторая четверть IX в.), основная часть которой содержит латинский теологический кодекс. Скорее всего, он был создан в Фульде, написан двумя писцами и, судя по характеру ошибок, представляет собой список с утраченного оригинала. Язык песни древневерхнегерманский, однако содержит отдельные нижнегерманские и баварские диалектные формы. Оригинал, возможно, был создан на баварском диалекте, а затем переписан нижнегерманскими писцами. Предполагалось, что в основе баварского текста лежала ломбардская поэма, ломбардский текст был реконструирован и даже опубликован (*Krogmann W.* Das Hildebrandslied in der langobardischen Urfassung hergestellt. В., 1959).
- 28 Об архаичности этой песни по сравнению с другими древнегерманскими памятниками говорят и ее структура, и композиция, и особенности ее стихосложения – низкий уровень канонизованности стиха, перегруженность стиховых единиц языковым материалом, отклонения в расстановке аллитерации, бедность звуковой инструментальности.
- 29 *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Пер. с нем. Д.Е. Бертельса. М., 1960. С. 304–341.
- 30 “Песнь о Хильдебранде” в классификации Хойслера относится к наиболее архаичным “двусторонним песням о событиях” (doppelseitiges Ereignislied), включающим повествование и диалог, которые позволяют изложить события с двух сторон – в рассказе певца-сказителя и в речах героев (*Хойслер А.* Указ. соч. С. 304).
- 31 Здесь и далее перевод “Песни о Хильдебранде” на русский язык Т.Я. Сулиной цит. по: *Зарубежная литература средних веков.* Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская, сербская, болгарская литературы: Учебное пособие для студентов филологических специальностей пед. ин-тов / Сост. И.Б. Пуришев. М., 1975. Изд. 2-е, исправл. и доп. С. 10–14. Текст “Песни о Хильдебранде” цит. по: *Das Hildebrandslied / Hrsg. von G. Baesecke.* Halle (Saale), 1945. В скобках здесь и далее указаны номера строк памятника.
- 32 *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 242.
- 33 Здесь и далее примеры из “Саги об Асмунде” цит. по: *Ásmundarsaga Kappabana // Fornaldar sögur Norðurlanda.* 1 Bd. Guðni Jónsson gáf út. Reykjavík, 1954. Bls. 383–408.

- 34 *Ciklamini M.* The Combat between Two Half-Brothers: A Literary Study of the Motif in *Ásmundarsaga Kappabana* and *Saxonis Gesta Danorum* // *Neophilologus*. 1966. Vol. 50. P. 269–279, 370–379; *Reuschel H.* Untersuchungen über Stoff und Stil der *Fornaldarsaga* // *Bausteine zur Volkskunde und Religionswissenschaft*. Bühl-Baden, 1933. Nr. 7. S. 71.
- 35 Как женское имя Дротт встречается также в “Саге об Инглингах”, где этим именем называется дочь Данпа и сестра конунга Дана Гордого, “по которому названа Дания” (“Сага об Инглингах” // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 19).
- 36 Примеры из “Деяний датчан” Саксона Грамматика цит. по: *Saxonis Gesta Danorum* // *Primum a C. Knabe & P. Herrmann recensita. Recognoverunt et ediderunt J. Olrik & H. Ræder*. Tomus I (av 2) *Textum continens*. Hauniæ (København), 1931.
- 37 Традиция украшать щиты картинами на мифологические или героические сюжеты, восходящая к Гомеру и Вергилию, отражена как в скальдическом жанре щитовых драп (ср. “Драпу о Рагнаре” Браги Боддасона, “Хаустлэнг” Тьодольва из Хвинира), так и у самого Саксона Грамматика, рассказывающего, как Амлет повелел изготовить ему щит с изображением его собственных подвигов (Кн. IV). Возможно, в приведенных строках тоже идет речь о щите героя, на котором выгравированы сцены героических деяний, нарисованы побежденные им противники, изображен убитый им сын.
- 38 Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают текст этой песни “бесполезным” для реконструкции скандинавской версии сюжета о битве отца с сыном: “In any case, the *Snjólvskvæði* contains no details that have been lost in the extant form of the saga, and as a source of information about the Old Scandinavian Hildebrand legend, it is quite worthless” (*Halvorsen E.F.* On the Sources of the *Ásmundarsaga kappabana* // *Studia Norvegica*. Oslo, 1951. N. 5).
- 39 Текст баллады приводится по: *De Boor H.* Die Nordische und die deutsche Hildebrandsage // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1923. Bd. 49. S. 149–172; 1924. Bd. 50. S. 186–199.
- 40 Текст “Младшей Песни о Хильдебранде” цит. по: *Das deutsche Volkslied* // *Deutsche Literatur*. Sammlung literarischer Kunst- und Kulturdenkmäler in Entwicklungsreihen. Leipzig, 1935. Bd. I: Balladen / Hrsg. von John Meier. S. 35–38.
- 41 Здесь и далее примеры из “Саги о Тидреке” приводятся по: *Þidreks Saga af Bern* / *Guðni Jónsson gáf út*. Reykjavík, 1954.
- 42 На эту деталь обратил внимание еще А.Н. Веселовский (*Веселовский А.Н.* Новые исследования в области русской народной поэзии. С. 325).
- 43 В некоторых традициях роль мстительницы отводится матери юного героя. Так, в кельтской версии сюжета о битве отца с сыном богатырша Айфе, узнав о женитьбе Кухулина на Эмер, обучает своего сына от Кухулина Конлу всем боевым искусствам, а потом посылает его в Ирландию искать отца (“Сватовство к Эмер”. “Смерть единственного сына Айфе”).

- И.Г. Матюшина. Былины об Илье Муромце и Сокольнике в древнегерманском контексте*
- 44 Илья Муромец объясняет сыну: «Мы с твоей матушкой Златогоркой / Спали-ночевали в одном шатре, / И тут мы тебя, видно, прижили» (74). В былинах рассказывается также о детстве героя: «У того у моря у холодного, / У того у камня у Латыря, / Тут живет один сын с родной матушкой. / Молода юность, десяти годов» (74), «От того от морюшка от синего, / От того от камешка от серого, / От той от мамки от Владимирки / Был у ей сын, маленький воробушек» (76). Былины Мезени N 84, 85, причем в печорских былинах сохранен эпизод с крестом, спасающим Илью от гибели, который передвинут из финала в середину былины.
- 45 О мести сына матери рассказывается в большинстве сохранившихся былин, ср., например: «Он взял у матери да голову смахнул» (76), «Берет он во свою руку правую, / Берет свою саблю вострую, / Новую саблю, необновлену, / Иссек у ей со плеч голову» (74).
- 46 Ср.: Былины Печоры N 71, 72, Былины Мезени N 84, 85, причем в печорских былинах сохранен эпизод с крестом, спасающим Илью от гибели, который передвинут из финала в середину былины.
- 47 *Andersson Th.M.* An Interpretation of *Þidreks Saga* // *Structure and Meaning in Old Norse Literature: New Approaches to Textual Analysis and Literary Criticism* / Ed. J. Lindow et al. Odense, 1986. P. 347–377.
- 48 *Þidreks Saga af Bern*. Bl. 5.
- 49 В “Саге о Тидреке” Илиас – сын правителя Гертнита, владевшего Русью, Польшей, Венгрией, землей вилькинов (балтийских славян) и частью Греции: “У конунга Гертнита было два сына от жены, старшего звали Озантриком, младшего – Вальдимаром. Третий сын у него был от наложницы. Его звали Илиасом” (гл. 25). Перед смертью Гертнит разделил свои владения между сыновьями: старший, Озантрик, стал конунгом вилькинов (одного из западнославянских племен), младший, Вальдимар, – конунгом Руси и Польши и всей восточной части королевства, Илиас – ярлом греческим, “он был большим хёвдингом и могучим бойцом” (гл. 26). После смерти Гертнита его сыновья вступили в войну с гуннами Аттилы и пришедшим ему на помощь Тидреком. Война, шедшая с переменным успехом, закончилась неудачно для Озантрикса и Вальдимара, которые погибли в бою; ярл Илиас вынужден был сложить оружие. Аттила сохранил Илиасу жизнь и принял его в число своих мужей, сделав правителем Руси. Очевидно, в “Саге о Тидреке” излагается то же сказание, которое нашло отражение в южнонемецкой поэме ломбардского цикла “Ортнит”, записанной в первой половине XIII в. В этой поэме тоже упоминается имя Илиаса (*Yluas, Elias*) из Руси, которому отведена роль дяди и наставника короля Ортнита, правителя Ломбардии. Вместе с Ортнитом и его отцом, карликом Альберихом, Илиас отправляется в поход в Сирию, чтобы помочь Ортниту получить в жены дочь языческого царя Махорея. “Сага о Тидреке”, в которой имя Гертнит носит и отец (гл. 25–26), и сын (гл. 31) ярла Илиаса, правителя Руси, уже становилась объектом внимания компаративистов и фольклористов в связи со сказанием о Тетлейфе Датчанине, верхнене-

мецкой эпической поэмой “Битерольф и Дитлейб” и былинами об Илье Муромце. Немецкие исследователи пришли к заключению о влиянии русского эпоса об Илье на северонемецкое сказание, в то время как слависты утверждали, что Илья Муромец представляет собой “первоначально русское подражание, копировку эпического образа Тетлейфа Датского и в то же время русское толкование этого типа” (*Халанский М.* Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, в связи с произведениями русского былевого эпоса: Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893–1894. С. 124).

- 50 Термин “рутении”, обозначающий восточнославянские племена, впервые появляется в словосочетании *gex Rutelopum* в Аугсбургских анналах XII в., в латинских географических сочинениях дается объяснение, что Русь также называется Рутенией (*Ruthenia*): “Польша одним своим краем граничит с Русью, которая (называется) Рутения, о которой Лукан (писал)...” (*Polonia in uno sui capite contingit Russiam, quae et Ruthenia, de qua Lucanus...*). К концу XII в. *Ruthenia* используется наряду с альтернативными написаниями *Ruscia* и *Russia* в латинских католических документах для обозначения земель, которые были объединены вокруг Киева, а в XIII в. вытесняет в латинских документах все прочие.
- 51 Сюжет быliny о Сауре Леванидовиче (ср. № 25 сборника Кириши Данилова) или Сауре Ванидовиче (ср. “Песни” Киреевского”, вып. III, стр. 113–116) тоже строится вокруг битвы отца с сыном. У Киреевского Саур Ванидович, князь царства Астраханского (Альберского), отправляется в поход на три царства – Латынское, Литвинское и Сорочинское, оставив дома жену. В его отсутствие рождается сын-богатырь. Жена Саура на девятый год посылает сына на помощь к отцу. Он палит огнем царство Латынское, берет в полон Литвинское и идет на царство Сорочинское (сарацинское). Сарацины высылают Саура, попавшего в плен, на поединок с юным богатырем. Саур седлает коня и едет биться с иноземным богатырем. Поединок заканчивается победой отца. Высадив сына из седла, Саур падает ему на грудь, спрашивает о родеплеми, узнает своего сына и плачет от радости. Сын освобождает отца из сарацинского плена и шлет с гонцом письмо матери о том, что он встретился с отцом и помог ему. Сравнение былин об Илье и Сокольнике с былинами о Сауре Леванидовиче см.: *Пронн В.* Указ. соч. С. 271.
- 52 Ср.: “черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер” (*Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. Переиздано: *Жирмунский В.М.* Фольклор Запада и Востока. М., 2004. С. 324).
- 53 *Неклюдов С.Ю.* Указ. соч. С. 7–10.

ПЕРЕВОДЫ